

ИСТОРИИ В СУМЕРКАХ

Оксана Владимировна Васильева родилась в Новотроицке. Закончила филологический факультет Орского государственного педагогического института имени Т.Г. Шевченко. Работает педагогом дополнительно образования в городском Центре развития детей и юношества. Руководитель клуба авторской песни «Васильевский остров». Печаталась в местной и областной периодике, журнале «Гостиный Дворъ», альманахах «Вечерние огни», «Стихотерапия», сборнике «Красный угол» и др. Автор книги прозы. Член Союза российских писателей. Живёт в Новотроицке.

Предисловие

В конце марта, когда мы все угодили в самоизоляцию, я предложила своим ученикам из клуба авторской песни «Васильевский остров» написать в комментариях какое-нибудь ключевое слово, например, РЫБА. И пообещала на каждое присланное слово придумать историю. Так появился проект #Историивсумерках.

Вишнёвое дерево

Ромка привёл домой Лиду. И познакомил с родителями. Никого раньше не приводил, тусил с кем-то в городе, а сюда, в частный сектор на окраине Новозаводска, не звал. Далеко, да и делать здесь нечего. А Лиду привёл.

Прикатили на великах, оба тонкие, заплётённые, светловолосые, в шортах и майках:

— Мам, пап, эт Лида.

И тут же схватили вёдра и пошли на участок собирать вишню.

На семи расплётках по периметру забора её назрело много. Не на один час работы.

Ромке нравилось собирать вишню. Она была крупная, ведро наполнялось быстро. Это тебе не с малиной возиться, когда все руки в кровь исцарапаны, а счастья — с полкружки. Вишня — другое дело. Сладкая, когда потемнеет, наберётся солнца. Не такая сладкая, как с папиного дерева, но всё равно вкусная. А из-за того, что Лида, — нравилось ещё больше.

Она собирала ягоду сосредоточенно, не пропуская ни одной ветки. Он смотрел на след от сока, засохший у неё на щеке, и улыбался, как дурак.

К концу подустали. Вишня надоела. Не хотелось тратить на неё весь день. Лениво собрали последние полведра.

— Всё, — сказал Ромка. — Хватит на сегодня. Поехали купаться.

— А там, на дереве, собирать не надо? — спросила Лида.

— Нет, там дерево особенное. Папа сам собирает.

— Почему особенное?

— Не знаю. Он не рассказывает. Всегда говорит, что рано ещё рассказывать, что я маленький и глупый. Не пойму.

— Ничего себе маленький. А что глупый, спорить не буду.

— Ах, ты ж! — Ромка бросил в неё ягоду.

Лида увернулась и рассмеялась.

Пока она мыла руки, он украдкой сорвал несколько вишен с папиного дерева. Ягоды там были помельче и посуше, с резким и чуть терпким вкусом.

— Напополам, — предложила Лида, когда он протянул их ей на ладони, взяла сразу две ягоды, отправила в рот. — Ух ты!

— Да, папина вишня. Поехали?

Он вернулся домой к вечеру, завёл велик во двор, закрыл калитку на щеколду.

На лавочке у дома сидел отец. Ромка плюхнулся рядом, блаженно вытянул ноги и закрыл глаза, проживая заново весь сегодняшний день с вишней, озером, со дна которого бьют холодные ключи, и если проплываешь над ними, ноги как будто проваливаются в холодный погреб, с возвращением в город в сумерках, когда зажигаются фонари на улицах. И город становится если не красивым, то уютным, домашним.

Лида с мокрыми от купания растрёпанными волосами вскакивает на велик и кричит:

— Догоняй!

И они несутся по парку. Он настигает её перед самыми ступенями центральной лестницы, но тут она делает строгое лицо, соскакивает на землю, они чинно выходят из парка и пересекают главную улицу города. Он уже забыл об игре, а Лида вдруг снова вскакивает в седло и летит дальше — по малолюдным переулкам

до самого её дома. И он снова её нагоняет, и возле подъезда они долго ещё стоят, прощаясь.

— Я тебе рассказывал про моё дерево, про вишню? — спросил отец.

— Не-а, — ответил Ромка, не открывая глаз. Он так разомлел, что даже говорить было лень.

— Это было летом девяносто третьего. И мне нравилась одна девочка.

Ромка хмыкнул и приоткрыл один глаз.

— Её звали Катя. Такая, знаешь, — отец изобразил в воздухе что-то неопределённое, — интересная.

Ромка снова хмыкнул.

— У нас на первом курсе компания сложилась. Как-то неожиданно. Серёга, Алик, Пашка с Олеськой, Катя, Оля, ну и я. Новый год ещё отмечали порознь, а ко второй сессии уже были не разлей вода. Ждали друг друга после экзаменов, потом затаривались газировкой, пирожками с ливером и шли купаться. Когда сессию сдали, остались в городе на лето. Времена были безденежные, по заграницам не накатаешься. У всех, кроме Алика, огороды. У Серёги ещё бабка решила баню около дома обновить. Встречались по вечерам, чуть ли не каждый день. Гуляли. Серёга гитару приносил. Мы все понемножку бренчали, включая девочонок. Из нас парой были только Пашка с Олеськой, ещё со школы. А остальные присматривались. Мне Катя нравилась,

Алику — Оля. С Серёгой иногда появлялись какие-то девушки со стороны, в автобусе, что ли, он с ними знакомился, но в компании не приживались.

Недели через две мы взвыли от городской жары и пыли. И я предложил сходить в поход. Поначалу ляпнул от нечего делать, но увидел, как Катя посмотрела заинтересованно, и вдохновился. Решил сводить ребят на место бывшей деревни Кустовки. Мы с отцом туда часто на рыбалку ездили. Километров семь от электрички, через две горки.

Как по друзьям и родственникам искали рюкзаки и палатки — это отдельная тема. Настоящая снаряга была исключительно у настоящих туристов. Они собирали её годами, мастерили и шили на заказ, и таким матрасникам, как мы, никто, конечно, приличных рюкзаков и палаток не дал бы. Мне отец, дед твой, выпросил у друга-охотника коричневый рюкзак-желудок и брезентовую трёхместную палатку с прожжённым углом. Серёга нашёл у бабки в сарае армейский котелок, Пашке с Олеськой выделили дома мятую алюминиевую кастрюлю. Ну и плюс топор, одеяла, о спальниках мы и не мечтали, консервы, вода, хлеб, половник.

Когда встретились на вокзале, рюкзаков оказалось всего два: у меня и у Алика. Правда, он ещё в трамвае одну лямку оторвал, хорошо так оторвал, с мясом. Остальные отправлялись в поход

с сумками, пакетами и одеялами вскрутку. Короче, все консервы, кастрюлю, топор, а также другие тяжёлые предметы сгрузили мне в рюкзак, и мне стоило умереть тут же, на перроне. Но идти в поход предложил я, на меня смотрела Катя. Так что я собрал силы и втянул себя в электричку, хотя неподъёмный рюкзак настоятельно рекомендовал мне упасть на спину и замереть.

Наверное, тогда ещё стоило понять, что этот поход не самая удачная моя затея, но я был решительно настроен поговорить с Катей на берегу реки под звёздным небом и героически оберегать её от посягательств комаров. На нашей станции расстояние от ступенек электрички до земли оказалось в два раза больше, чем на перроне. Я спрыгнул удачно. Рюкзак всеми консервными банками приложил меня по голове, и благодаря этому первую половину пути я помнил смутно и прошёл её в лёгкой эйфории. После первой горки сознание вернулось. Я обнаружил, что не чувствую рук, потому что лямки рюкзака пережали плечи, а моя Катя беседует с Серёгой, и в руках у неё букет из тысячелистника и пижмы. И тогда я выложил последний козырь. Приберегал его под конец, чтобы всех удивить, но раз такое дело:

— А ещё там есть вишнёвое дерево, огромное, на краю деревни. Чей-то огород раньше был. И ягод на нём всегда столько, что листьев не видно.

И снова поймал заинтересованный взгляд Кати.

Вторая половина июля, полдень, солнце, рюкзак, горка, ну, ты понимаешь. Я сам уверовал в это дерево, как в спасение. Я мог думать только о том, как доберусь до него, сброшу чёртов рюкзак, сяду в тени, отправлю в рот целую горсть горячих от солнца ягод, и они будут лопаться на языке, сладко, выпуская из себя мелкие круглые косточки.

Я рассказывал, как дерево цветёт весной, напоминая издали бело-розовое облако, а если подойти поближе, можно услышать, как оно гудит сотнями шмелиных голосов, как будто рядом работает какое-нибудь устройство с мотором. А осенью, говорил я, оно сначала желтеет, а потом края листьев становятся бронзово-вишнёвыми, и среди них всё ещё висят подвявшие ягоды, не склёванные птицами. А зимой...

Тут мой поток красноречия прервался. Потому что мы взобрались на вторую горку, и я почти умер под рюкзаком. Но это было не самое страшное.

Внизу, около речки, на том месте, где мы с папой рыбачили всё моё детство, появился основательный забор, огораживающий территорию бывшей деревни. На месте старых, заросших крапивой и кленовыми побегами фундаментов велось новое строительство, деловито фырчал трактор, между кучами песка, щебня и силикатными блоками сновали

рабочие с загоревшими до черноты спинами.

— Да-а, дела, — сказал Алик, и все посмотрели на меня.

— Ну и что, река-то большая, спустимся и свернём налево, — скомандовал я.

Ещё тогда, наверху, в мою душу закралось нехорошее предчувствие. И пока мы спускались, я вглядывался в то место, где нас всегда встречало вишнёвое дерево, вглядывался и не хотел понимать то, что видел. Но когда мы спустились и подошли к реке, отрицать очевидное стало бессмысленно. Моё любимое вишнёвое дерево было покалечено трактором или другим безжалостным инструментом новых хозяев места. От него осталась часть ствола и две ветки, густо усыпанные ягодами.

Мы ушли влево, вниз по реке, километра на два по еле заметной тропинке. Нашли место для стоянки и небольшой пляжик, правда, без песка, с крупной речной галькой на берегу, но пригодный для купания. Поставили палатку — жуткое кривобокое брезентовое сооружение, похожее на миниатюрный шатёр передвижного цирка. Я взял топор и пошёл заготавливать дрова для костра, стараясь выглядеть мужественно. На самом деле мне больше всего хотелось заплакать от обиды за моё загубленное дерево.

И даже то, что вечером Катя ушла гулять к реке с Серёгой, не

показалось мне уже чем-то непоправимым. Непоправимое произошло раньше. Я чувствовал себя так, будто меня самого переехали трактором. Олеську укусила за щёку оса. Щека надулась, Олеська тоже, и они с Пашкой полдня просидели в палатке. Вечером Алик утопил в реке Серёгин котелок. Пришлось заваривать чай в кастрюле. Я заварил его, как учил отец: насыпал в кипящую воду заварку и сунул в кастрюлю горящую головню. Это было эффективно, но чай отдавал супом. Серёга взял гитару. На третьем куплете четвёртая струна издала прощальный звон и лопнула.

А ночью пошёл дождь. В городе он выглядел безобидно: мелкий, морозящий. Но в походе совсем другое дело. В пять утра стало понятно, что купол палатки не держит воду, мы вылезли из-под мокрых одеял.

— Я хочу домой! — сказала Катя.

— Да, Паш, мы же можем успеть на утреннюю электричку? — подхватила Олеська. Щека у неё всё ещё была припухшая, а вид несчастный.

Мы засобирались, упихивая в рюкзаки и сумки наспех отжатые вещи. Палатка упорно не хотела помещаться в чехол. После третьей неудачной попытки мы с Серёгой просто увязали её в скатку вместе с чехлом, справедливо рассудив, что донесём и так, а вот время, оставшееся до электрички,

дорого. Девчонки побросали в воду размокший хлеб, и мы двинулись в обратный путь, постепенно согреваясь на ходу.

Когда подходили к строительству, Оля чуть забежала вперёд. Я не обратил на это особого внимания. Она весь наш несчастный поход была молчалива, не ныла, как другие девчонки, ёжилась под дождём, тащила свою сумку и одеяло. В начале похода одеяло было яркое, в зелёную и белую клетку, а к концу, когда мы взбирались на вторую горку по раскисшей дороге, поменяло свой цвет на грязно-жёлтое.

До станции мы добрались вовремя. Электричка подходила через двадцать минут. Мы были мокрые, грязные, уставшие и невыспавшиеся. Катя с Олеськой мечтали о ванне. Серёга придумывал, как будет сообщать бабушке о пропавшем котелке. Я чувствовал себя виноватым за всё, что случилось, и это меня страшно злило.

Вдобавок ко всему, пока мы брали билеты в кассе, дождь вдруг закончился, небо расчистилось, обещая впереди чудесный летний день, а солнце уставилось так, будто хотело сказать: «Чего, дурачки, испугались?»

Алик уселся на перроне прямо на мокрую палатку, вытянул ноги и вздохнул:

— Да-а! Сходили в поход.

Первой прыснула Оля, за ней

рассмеялся Пашка, а через минуту вся наша компания уже хохотала, заставляя раскормленных привокзальных голубей лениво вспархивать над асфальтом.

Я тоже смеялся. Смотрел на товарные вагоны на запасном пути и смеялся. А что оставалось делать? Так по-дурачки всё получилось. И Катя. И дерево жалко.

Кто-то легко тронул меня за локоть. Я оглянулся. Рядом стояла Оля:

— А дерево можно своё вырастить, из косточки, — сказала она и протянула мне раскрытую ладонь. На ней лежало несколько небольших примятых вишен. — Это я на обратном пути сорвала.

Отец замолчал. Ромка тоже помолчал для приличия, но надолго его не хватило:

— Оля — это мама моя. А дерево из косточки — вот, — ткнул он пальцем в сторону вишни.

— Да.

— Ну и что из этого я должен был не понять? Невероятно запутанная и таинственная история, — съехидничал он.

— Да понять-то, может, и понял бы, а вот почувствовать по-настоящему... Ладно, иди спать.

Ромка поднялся.

— Ромк, — позвал отец.

— А.

— Вишни хочешь?

— Давай, — Ромка протянул руку, и отец положил ему в ладонь ягоды.

«Странный папа, — думал Ромка, засыпая, — какая может быть Катя, когда мама!»

Ночью ему снилась вишня. Много вишни. И Лида.

Цапля

К тридцати годам Ната всё ещё была одинока и находилась в поисках себя, плавно курсируя от занятий йогой и плетения из лозы кривоватых корзинок к обучению танцам с шаманским бубном и трём зимним лыжным походам, два из которых закончились потерей лыжи. Родственники не без основания считали Нату странной, сумасбродной и не от мира сего, что, впрочем, не мешало им пользоваться её временем и силами. Потому как, а кто, если не она, посидит с детьми, поможет с приготовлением праздничного стола к юбилею и съездит в больницу с бабушкой? Остальные не могут, у остальных серьёзная взрослая жизнь.

Но Ната не жаловалась.

Сегодня ей нужно было дождаться племянника Кирюшку после занятия с логопедом и отвести домой, проконсультировать бабушку по актуальным в сезоне рецептам салатов, а также пробежаться по обновлённому списку онлайн-курсов.

Курс по самопознанию содержал предварительное задание: заполнить анкету из двадцати

вопросов. Все вопросы звучали одинаково: «Кто я?» На первые восемь Ната ответила легко: имя, гражданство, гендерная принадлежность, родственные связи, работа, хобби. Дальше процесс застопорился.

Дверь логопедического кабинета распахнулась. Кирюшка выскочил в коридор, кинулся к Нате, ткнулся головой в её живот так, что у неё перехватило дыхание, и зарыдал. За ним, отчаянно цокая каблучками, выбежала логопед Анна Аркадьевна.

— Что случилось? — спросила Ната у обоих.

Кирюшка помотал головой.

— Я не знаю! Всё было хорошо, — зашебетала Анна Аркадьевна, — мы работали над буквой «ц», начали учить скороговорку «Цапля чахла, цапля сохла, цапля сдох...»

— У-у-у-у! — взвыл Кирюшка.

— Не продолжайте, я поняла! — Ната погладила коротко стриженную голову племянника. Кирюшка продолжал орошать слезами её новую любимую юбку. — Всё дело в цапле.

Это был их большой-большой секрет. Белая цапля Августа.

В последнюю неделю августа, перед началом учебного года, Ната с Кирюшкой провожали лето: сходили на утренний спектакль в кукольный театр, заказали пиццу и молочные коктейли в «Пиццерии-буфф». А под вечер забрели в зоопарк. Кирюшка тут

же рванул к попугаям. О попугае он мечтал страстно, почти с рождения, и потому потащил Нату к летнему птичнику сразу, как только они купили билеты в кассе. И провёл там не меньше двух часов, смакуя каждое движение птиц и каждый звук, издаваемый какаду, ара, амазонами и неразлучниками.

В конце концов Ната устала стоять, отыскивала лавочку в тенике и села, расстегнув босоножки. Строго говоря, Кирюшка приходился ей двоюродным внучатым племянником. Ему недавно исполнилось восемь. И это была огромная радость. Всё осталось позади: страшный диагноз, месяцы в больнице, неясные прогнозы врачей. Семья тогда сплотилась вокруг маленького больного чловека и вы ходила, отвела беду. А когда развеялись последние страхи и с Кирюшки сняли инвалидность, родственники с облегчением занялись своими делами: его мама — разводом и новым замужеством, отец — поисками работы, бабушки и дедушки — огородами и сериалами по вечерам.

Здоровый Кирюшка сам по себе оказался интересен только незамужней и бездетной Нате. Они обожали театр, кошек, творожную запеканку и старые детские пластинки. А если Кирюшка гостил с ночёвкой, перебирали книжки для чтения вслух и каждый раз, не сговариваясь, сходились на приключениях кролика

Эдварда. Читала, конечно, Ната, а Кирюшка слушал, но если бы его спросили, что дальше, он смог бы продолжить историю слово в слово. О болезни сейчас напоминало лишь то, что мальчик оставался впечатлительным, беспокойным и ранимым. Отчим воспитывал в нём суровость. Но при Нате Кирюшка оттаивал и не стеснялся плакать.

Она смогла выманить его из птичника, клятвенно пообещав, что они обязательно вернуться. Зоопарк был небольшим, они успели до закрытия нагуляться по дорожкам между вольерами, съесть по стаканчику мороженого и погладить кролика. Потом Ната так впечатлилась карликовым бегемотом в бассейне, что совсем забыла бы о времени, если бы Кирюшка снова не потащил её к попугаям.

Пожилой работник с кустистыми бровями, похожий на филина, заканчивал уборку клетки у сине-жёлтых ара. Он покашливал, как будто и вправду ухал, недобро косился на Кирюшку и наконец спросил:

— Нравятся птички наши?

— Нравятся! Особенно какаду! — закивал Кирюшка.

— Вот! А птички — они кушать хотят! А кто их кормит? Не знаешь? А ты вот стань у них опекуном, тогда и узнаешь. Будешь денежку им присылать. Птички будут кушать. А на табличке надпись сделают. Видишь вот, как здесь, — он ткнул загорелой рукой

в табличку соседнего вольера с бассейном, — Вася Пескарёв — опекун кряквы. Доброе дело и вам, глядишь, зачтётся, — это уже было адресовано подошедшей Нате.

Говорил он угрюмо, как будто заранее знал, что Ната будет против.

Она взяла Кирюшку за руку, чтобы увести подальше и в очередной раз напомнить, что нельзя разговаривать с незнакомцами. Но племянник вдруг запрыгал, затряс её руку:

— Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста! Ната, давай станем опекунами, давай будем помогать попугайчику? У меня копилка есть. Давай, а?

В администрации выяснилось, что все попугаи заняты.

— Чего ты расстроился? — директор зоопарка смотрела на Кирюшку сочувственно. — У нас много других животных и птиц. Вот гляди-ка.

Она разложила по столу ворох календариков с фотографиями неболагодетельствованных питомцев.

— Лучистая черепаха. Нет? А австралийская голубая квакша? Тоже нет?

Кирюшка, в мечтах уже ставший опекуном попугая, качал головой.

— Паук-птицеед?

— Точно нет! — встряла в разговор Ната.

— Что же вам предложить-то? Вот из птиц ещё есть цапля. Большая. Белая. Недавно у нас появилась.

Кирюшка поднял голову, посмотрел на календарик, просиял и обернулся на Нату:

— Можно я назову её Августа?

Цапля ослепила их белизной и обдала холодом презрения. Ната подумала, что со стороны птицы это сушая неблагодарность — так смотреть на людей, которые собираются заботиться об её благосостоянии. Но Кирюшка был очарован. Он полюбил цаплю с первого взгляда и навсегда. Мысль о том, чтобы ещё раз рассмотреть кандидатуру австралийской голубой квакши, отпала сама собой.

Ната подписала договор, внесла две тысячи за текущий месяц на содержание птицы, и они бросились на остановку, потому что цапля — цаплей, а до дома добираться ещё минут сорок. Кирюшка всю дорогу счастливо вздыхал и не выпускал из рук календарик. Опекунство они договорились держать в секрете от родственников. Вряд ли бы кто-то в семье одобрил эту странную затею.

Чаще раза-двух в месяц вырваться к цапле не получалось. Но в зоопарке их уже знали. Работник, похожий на филина, подобрел и с удовольствием пересказывал Кирюшке последние цаплины новости. Цапля по-прежнему была царственно равнодушна. Кирюшка убеждал Нату, что когда они приезжают, цапля смотрит на них особенным взглядом, не как на всех, и Ната кивала. Ну, в самом деле, не разочаровывать же племянника.

— Кирюш, ну всё-всё, хватит рыдать.

— Ната, а вдруг она умрёт? Ты говорила, помнишь, что можно сказать что-то, а оно сбывается. А я сказал это вслух. Я просто повторял за Анной Аркадьевной и сказал это вслух. И теперь Август... Она...

— Да ничего не будет с твоей ненаглядной Августой.

— Ната, давай поедem к ней, и я попрошу у неё прощения. Завтра.

— Кирюш, завтра никак: у бабушки день рождения, ты помнишь? Поедем на той неделе.

Кирюшка замолчал. И молчал всю дорогу, пока они шли к его дому.

— Хочешь, я завтра позвоню в зоопарк и узнаю, как она там? — спросила Ната у подъезда.

Позвонить в зоопарк она не успела. С утра её саму разбудил телефонный звонок:

— Ната, Кирюшка у тебя?

— Нет.

— Куда же он мог деться? — из динамика доносилось шумное дыхание Кирюшиной мамы. — Встали с утра, а его нет. Копилка пустая на столе. Бабушек всех уже обзвонили. Одноклассников тоже.

— А ему позвонить пробовали?

— Да нет у него телефона. Мы вчера забрали за «тройку» по математике.

— Понятно.

— Ната, ты знаешь, где он?

— Догадываюсь.

Ната была уверена, что Кирюшка уехал к цапле, и всё-таки переживала всю дорогу. Водитель такси, глядя на неё, врубил для азарта «Радио Шансон» и прибавил скорость. Они домчались минут за двадцать, подлетели к воротам. Зоопарк только что открылся, и посетителей было немного, а в зимнем птичнике и вовсе никого. На вешалке в гардеробе одиноко болталась красная Кирюшкина куртка. Увидев её, Ната выдохнула и сбавила шаг.

Кирюшка стоял за стеклом вольтера, протягивал цапле раскрытую ладонь с кусками рыбы и, как жетса, не дышал. Цапля, не теряя достоинства, брала с его ладони один кусок, заглатывала, надолго замирала, как будто уходила в себя, потом, очнувшись, осматривала еду блестящим глазом и брала следующий кусок. У входа в вольтер улыбался сотрудник зоопарка, похожий на филина.

— Она меня простила. Ты видела? Видела? Она брала рыбу у меня из рук. Я сказал ей, что никогда в жизни больше не произнесу эту ужасную скороговорку. А потом я придумал свою: «Цапля — чудо, цапля — сказка, цапля — счастье». Правда, здорово? Ей понравилось. И если так говорить каждый день, то цапля будет жить долго-долго. Потому что эта скороговорка про хорошее. Ната, ты меня слышишь?

— Слышу. А ещё думаю, как мы будем про Августу дома рассказывать.

Кирюшку по младости лет быстро отругали, накормили пюре с котлетой и отправили в детскую к двоюродным и троюродным братьям и сёстрам пережидать семейный совет, в который плавно переросло празднование бабушкиного юбилея. На повестке дня был один животрепещущий вопрос: «Что нам делать с непутёвой Натой?»

В воздухе, как большие стрекозы, летали устойчивые словосочетания «несчастье семьи», «дурь в голове», «пора уgomониться». Стрекозы сталкивались и падали в лоток с холодцом. Ната с невозмутимостью цапли наблюдала за их полётом, расковыривая в тарелке остывшую котлету. Похоже, родственники решили взяться за неё всерьёз: найти мужа, устроить на приличную денежную работу, записать в салон красоты и к астрологу. Таков был их план на ближайшую неделю.

В дверях мелькнули виноватые глаза Кирюшки. Ната без сожаления оставила котлету и спорящую семью за столом и сбегала в коридор.

— Опять замуж выдают? — спросил Кирюшка.

Ната кивнула:

— Да ладно, переживём! Сочини и для меня, что ли, скороговорку про хорошее. Вдруг, если её произносить каждый день, я из несчастья семьи превращусь во что-нибудь приличное.

— Я сочиню.

— Спасибо.

— Ната?

— Что?

— Несчастью семьи никогда бы не доверили цаплю.

До анкеты по самопознанию Ната добралась ближе к ночи и восьмым пунктом, отвечая на вопрос «Кто я?», набрала «Опекун цапли».

Зонтик

Даша торопится. Зонтик у неё всегда с собой, но дождь лучше пережидать дома. Можно даже сидеть на подоконнике с чаем и «Милквэй», пока папа не увидит и не начнёт дразнить её «типичным хипстером».

Ника тоже любила сидеть на подоконнике. Но про Нику она запрещает себе думать, потому что начинает плакать.

Из крайнего подъезда выходит женщина с чёрной повязкой на голове и нетвёрдой походкой идёт навстречу Даше. Мама Ники. В руках у неё большой белый пакет из «Пятёрочки».

— Здравсьте, — говорит ей Даша.

— Здравствуй, — женщина смотрит пристально и, наконец, узнаёт. — Даша, — от неё пахнет алкоголем и несчастьем. — А я вот вещи Никусины перебираю. Что оставить, что выбросить. Тетрадки собрала. Полку Богдану освобождаем. Для школы.

Дашу захлёстывает волна бес- сильной ненависти. Эта женщи- на никогда раньше не называла Нику Никусей. И, кажется, не всегда помнила, сколько вообще у неё детей.

Но Даша — вежливая девочка из благополучной семьи, с папой, мамой и котом Плюшкой. Даша не будет грубить, как бы ей ни хотелось.

— Давайте я помогу, — говорит она и протягивает руку к пакету.

— Помоги-помоги.

Даша берёт пакет, прощается и уходит.

Мама Ники смотрит ей вслед, хочет что-то сказать, передумыва- ет и бредёт к подъезду.

Даша доходит до мусорных баков, огибаёт их, оглядывается. Женщины в чёрной повязке уже нет. Даша возвращается к дому вме- сте с пакетом и успевает забежать в свой подъезд до того, как с неба на- чинают падать редкие капли.

У них были планы на лето. Сдать ОГЭ и вплотную заняться ПП. ПП — это Проект «Плюшка». Комиксы про Дашиного кота.

— Он няша. Смотри, какая морда! — Ника любила тискать Плюшку.

Плюшка не возражал. Он ред- ко делал лишние движения.

— На самом деле твой кот по ночам, когда ты спишь, спасает мир, — говорила Ника.

Даша смеялась. Она знала Плюшку с детства. Единственным

его геройским поступком была попытка спрыгнуть с дивана. Плюшка поднялся на ноги, дол- го стоял в задумчивости, а потом снова лёг, ожидая, когда его за- ботливо спустят на пол.

Но идея Даше нравилась.

Даше нравились все Никины идеи. Ника умела мечтать широ- ко, масштабно. Она врывалась в тихую, комнатную Дашину жизнь в мокрых кедах, потому что гу- ляла под дождём, в заношенной чёрной футболке, доставшейся по наследству от старших Вики и Лики, с дикой музыкой в хрипя- щих наушниках, вернее, в одном из них, потому что второй не ра- ботал. Взлетала на подоконник, опиралась тощей спиной на откос и выдыхала:

— Да-а-ашк? А давай...

И дальше могло последовать самое неожиданное предложение: давай сделаем портреты всех собак нашего двора и устроим вы- ставку;

давай за лето обойдём все дво- ры города, в каждом мелкими нарисуем что-нибудь красивое и напишем «С добрым утром!»;

давай пойдём гулять от нашего дома на север или на юг, будем идти три часа и посмотрим, доку- да дойдём, город-то маленький;

давай снимем фильм, как мы с тобой делаем рисунки на одну и ту же тему, а потом запустим в ускоренном режиме...

Идей у Ники было так много,

что её голова просто взрывалась от их количества. Даша служила резервуаром, куда идеи можно было выплеснуть, чтобы освободить в голове место для новых. Они разноцветными рыбками резвились в огромном бассейне-аквариуме, Даша через стекло наблюдала за ними и выбирала тех, с которыми они с Никой готовы были пуститься в большое плавание. Именно Даша придавала идеям подруги весомость и основательность.

Часто Нику озаряло поздно вечером, когда все приличные люди либо уже спали, либо готовились ко сну. Она набирала Дашу и спрашивала:

— Спишь?

Дашину маму возмущали эти поздние звонки. И к самой Нике у неё отношение было неоднозначное. Как ответственная мама, она понимала, что у дочери должны быть друзья. И когда в шестом классе Даша подружилась с Никой, мама приняла эту дружбу. Девочки чаще всего были у них дома, в своей семье Никой мало интересовались. Может быть, поэтому она росла чересчур свободной, чересчур независимой, чересчур одержимой идеями.

Ника была стихийным художником, рисовала, сколько себя помнила, училась по роликам на ютубе. А Даша, как и положено девочке из интеллигентной семьи, окончила художественную школу и в рисование влюблялась

постепенно, осмысленно и робко. Она боялась бездны, смотревшей на неё светло-зелёными глазами Ники.

— Бездна поглотит меня, — говорила Даша.

— Бездна — это приключение! Ты со мной? — отзывалась Ника.

Белый пакет, который Даша спасла от помойки, на треть заполнен школьными тетрадками с одинаковыми синими обложками, любимый цвет Ники, а между ними лежат несколько скетчбуков, ворох мятых рисунков на альбомных листах и пухлый блокнот на спирали. Содержимое скетчбуков Даша знает хорошо. Она сама дарила их Нике, а та постоянно таскала с собой и умудрялась делать зарисовки на уроках, переменах и чуть ли не на ходу, по дороге от школы до дома. Она так истрёпывала их, что последний, сиреневый, Даша выбрала из-за рекламы износостойкой обложки. Сиреневый скетчбук изрисован не до конца.

Синие школьные тетрадки Даша сначала откладывает в сторону. Но одна из них падает, раскрывается на последних страницах, и Даша видит, что и она наполовину занята рисунками. Даша начинает открывать все тетради подряд.

В последний год Ника бредила комиксами. Придумывала героев, отрисовывала, хмурилась, иногда комкала и вырывала листы из скетчбуков. Одним из персонажей комиксов должен был стать

Плюшка. И с ним всё было понятно. Не хватало главного героя. Весной она потащила Дашу «на охоту». Целые вечера, как только стало тепло, они просиживали на скамейке на Молодёжной аллее, разглядывали прохожих и делали зарисовки.

В тетради по физике Даша на рисунках находит и себя, прячущуюся под зонтиком. Вокруг кипит жизнь: мчатся скейтеры и велосипедисты, длинноволосые мальчики поют Цоя, воркаутеры проделывают на турниках немислимые трюки, динозавры ловят сачками астероиды и играют с ними в футбол, а она стоит под зонтиком, словно пыгается отгородиться от всего мира.

Рисунок забавный и так точно передаёт вечную Дашину осторожность, что она смеётся. И тут же плачет.

Они уехали всего на две недели. На море, своим ходом. Папа за рулём, мама — штурманом, Даша и бабушка на заднем сиденье. Всё удачно совпадало: и отпуск родителей, и каникулы. С Никой не прощались. Даша собирала чемодан, Ника сидела на подоконнике и что-то рисовала. Потом попили чай с шоколадкой. Обсудили последние ролики одноклассника Брюлика на «ТикТоке». И Ника ушла домой, бросив у дверей своё обычное «Бай-бай, бэби!» Даша посылала ей короткие ролики с моря и везла в подарок большую розовую шипастую

ракушку. А когда они вернулись домой, Ники уже не было.

— «Скорую» поздно вызвали, — сказала Даше старшая сестра Ники Вика. — Ну, болит живот и болит. Она же всегда со странностями, Ника. Два дня ходила, молчала. Потом сказала мамке: живот болит. Есть не стала вечером. Мамка ей говорит: полежи. А утром проснулась белая вся, за живот держится и скулит. Пока довезли, пока в операционную, а там, говорят, сердце не выдержало. — Вика рассказывала буднично. Даше смотрела на неё и думала, что Вика говорит как будто не про сестру, а про малознамого человека. — Ты приходи в субботу, девять дней будет.

Смерть Ники была таким ошеломительно огромным событием, что первые дни Даша не могла уместить её в голове. И всё время думала, думала. Этого не должно было быть в её тёплом, солнечном мире с широким подоконником, толстым Плюшкой, пахнущей морем ракушкой и зонтиком. Ника ввинчивалась в жизнь дождевым осколком, отражала и преломляла в себе всё вокруг, и мир вокруг дробился на тысячи мелких разноцветных миров. И теперь Даша выхватывала части своего мира по отдельности. А когда соединяла их вместе, горе обрушивалось на неё всей своей тяжестью и становилось невозможно дышать. И Даша опять прокручивала в голове по отдельности:

подоконник, Плюшка, ракушка. Все вокруг словно пытались убедить её, что Ники не было. Вот и старшие сёстры Ники — Вика и Лика, она видела у подъезда, уже чему-то смеялись, и Богдан, младший брат, бегал с другими мальчишками по двору, и мама Ники несла на мусорку пакет с рисунками младшей дочери, как что-то ненужное, что будет мешать ей жить дальше.

А она была: сидела на подоконнике, тискала Плюшку, смеялась, рисовала Дашу под зонтиком. И для Даши не переставала быть.

До пухлого блокнота на спирали Даша добирается в последнюю очередь. Там рисунков меньше. Это скорее дневник в заметках. Много коротких записей ровным, отрывистым, похожим на шрифт почерком.

«Пересматривали с Дашкой «Гравити Фолз». Раз пятый, наверное. Снова ржали как ненормальные. Алекс Хирш подарил сестре мультяшного поросёнка, как она мечтала в детстве. Я бы тоже хотела сделать что-то такое про нас с Дашкой, комиксы или мультик. Мы ведь почти как сёстры!»

«Ненавижу физику!»

«Дашка — как всегда! Иногда хочется взять её за плечи и потрясти, чтобы проснулась!»

«Дашке подарили на ДР графический планшет. Можно рисовать комиксы. А Плюшка — идеальная модель, умеет лежать без

движения сутками. Ха! С утками. Дурацкая шутка!»

«Мятные леденцы — ад!»

«Уже можно подолгу рисовать на улице и не мёрзнуть. Ходили с Дашкой на «охоту». Брюлик — кретин!»

«Ночь пахла сиренью.»

«Если бы можно было быть, но не здесь! Быть здесь уже невозможно!»

«Каникулы! Да! Да! Да!»

«Молочные ириски — лучшее изобретение человечества! Дашка ничего не понимает!»

«Где же взять главного героя? Не Брюлика же рисовать!»

Последняя запись:

«Дашка берёт зонтик на море. На море! Зонтик!»

Даша откладывает блокнот и плачет до прихода родителей.

Дождь за весь день так и не проливается по-настоящему. К вечеру тучи рассасываются и исчезают, как леденцы со вкусом кокоса на голубом языке неба.

Даша сидит в комнате и раз за разом пролистывает Никины тетради и скетчбуки.

Мама садится рядом, гладит дочь по голове.

— Надо научиться отпускать дорогих тебе людей, — говорит мама. — Это непросто, но жизнь продолжается.

Мама говорит правильные слова. И папа, который заглядывает к Даше перед сном, говорит правильные слова. И бабушка по телефону приглашает в гости на

булочки с изюмом и говорит правильные слова. Даша всё понимает. Но эти слова не работают. Она не хочет отпускать.

Даша перечитывает на ночь блокнот на спирали и засыпает с ощущением, что ответ где-то рядом, простой ответ.

А когда просыпается, за окном пасмурно. Дождь поначалу медленно раскачивается, делает на асфальте наброски отдельными каплями. Потом смеется, смывает всё нарисованное и лупит от души по листьям, крышам, дорогам, людям и собакам.

«Если бы можно было быть, но не здесь», — повторяет Даша про себя фразу из Никиного блокнота, берёт новый скетчбук, точит карандаши, закрывает дверь в комнату.

На первой страничке она делает запись «Страна дождя» и ниже «Комиксы».

Под дождём по пустынной дороге идёт девчонка-подросток в чёрной футболке, потрёпанных джинсах и кедах. Один наушник у неё в правом ухе, другой, за ненадобностью, болтается на груди. Под футболкой она несёт толстого дымчатого кота.

«Ника, твоя футболка промокла насквозь. Почему ты никогда не берёшь с собой зонтик?»

«Плюшка, не ворчи! Зонтик не защищает от всего на свете».

На горизонте видны очертания города. Этот город девочка и её кот идут спасать.

— Даша, сбегаешь за хлебом? — кричит мама с кухни.

— Да, — Даша кладёт карандаш, смотрит на рисунки. — Я скоро, в магазин и обратно. Никуда не уходите без меня, — говорит она им.

На улице всё ещё дождь, хотя уже не такой сильный, как пару часов назад. У подъездной двери Даша вспоминает, что забыла зонтик, и замирает на несколько мгновений, раздумывая, не вернуться ли за ним. Потом решается и шагает из подъезда.

Дождь обнимает её за плечи тёплыми каплями.

День яблочный, день молочный... (Кит)

В Яблочный день Принц показывал «Девушку в красном и Серого Монстра». Кит знал все истории цикла, но «Девушка в красном» ему нравилась особенно. В ней видимое не было тем, чем являлось на самом деле, и это приводило Кита в странное возбуждение.

— Почему у тебя такие большие уши? — спрашивала Девушка в красном.

— Чтобы лучше слышать тебя! — отвечал Серый Монстр.

«Чтобы лучше слышать тебя!» — шёпотом повторял за ним Кит.

— Почему у тебя такие большие глаза? — спрашивала Девушка в красном.

— Чтобы лучше видеть тебя! — отвечал Серый Монстр.

«Чтобы лучше видеть тебя!» — ворил Кит за штorkой кулис.

Напряжение в голосе Принца нарастало. Кит знал, что после третьего вопроса, про зубы, Серый Монстр предстанет в своём истинном обличье, набросится на Девушку в красном, и по зрительному залу пронесётся «Ах!» Страх, удивление, восторг! Как будто в первый раз.

— Разве они не помнят? — спросил как-то Кит Старого Миха.

— А может, они не хотят помнить, чтобы испугаться и удивиться снова.

— Не, они точно не помнят. Но почему тогда помним мы с тобой?

Старый Мих пожал плечами. Он был не слишком разговорчивый и на большинство вопросов отвечал, глубокомысленно уперев в небо кривой когтистый палец:

— Принц.

Это означало: «Принц — великий человек! Люди идут к нему за историями. И не залипают. И память рядом с ним живёт дольше. Дай Вселенная ему много осмысленных дней наяву!»

Кит понимал Старого Миха без слов. Что говорить, Принц — великий человек.

Да и сам Старый Мих был свидетельством этой чудотворной силы. Люди его возраста стали залипать первыми. Сначала считали, что зараза косит только

стариков, но теперь залипали и молодые, и даже младенцы. Хотя и реже взрослых. А Старый Мих всё жил и жил, уже много дней, и продолжал помнить весь цикл, а то и больше. Остальных же хватало дня на три от силы. А если в памяти оставалось меньше дня, это был верный признак, что человек в скором времени залипнет.

Кит тоже помнил больше цикла, даже ранние времена, ещё до того, как прибил к театру. Не очень ясно, но всё-таки помнил Город до болезни, фонтаны и людей в кафе вокруг озера, и звёзды в светящейся гирлянде на ёлке, и мягкие руки женщины с ласковыми глазами, и птиц на площади.

А потом залип первый старик. В супермаркете перед полками с консервированными овощами. А за ним ещё двое на лавочке парка. Женщина с ласковыми глазами плакала по ночам и запрещала Киту выходить из дома. Тогда на улицах ещё стреляли, потом перестали.

Однажды она не вернулась, и Кит вышел. Он целый день бродил по городу и недалеко от пункта раздачи еды набрёл на одноэтажный домик с вывеской «Шоу Принца». Буква «а» в конце отвалилась и цеплялась за «ц», как забывая под куполом воздушная гимнастка.

Всего представлений было семь, по числу дней цикла.

Картофельный день — «Круглый беглец».

Морковный день — «Человек-насекомое».

Молочный день — «Девушка и Монстр в башне».

Рыбный день — «Нора Белого Кролика».

Гороховый день — «Девушка и семь карликов».

Яблочный день — «Девушка в красном и Серый Монстр».

Капустный день — «Змея и яблоко».

Мало кто мог удержать в памяти целиком и каждый вечер рассказывать зрителям новые истории. А Принц мог. И делал это много дней, много-много дней подряд. Всё это время в зале ни разу никто не залип. Слух о целебной силе его историй передавался от человека к человеку. Многие зрители ходили в домик «Шоу Принца» каждый вечер, но не помнили, что смотрят одни и те же представления уже который цикл.

В течение дня Кит Принца почти не видел. Тот запирался в комнате с глухо занавешенными окнами и появлялся лишь к началу шоу. Он был уже далеко не молод, худощав, в длинной чёрной чёлке, спадавшей на лоб, блестя седина. Но близко посаженные голубые глаза и глубокий голос обладали невероятно мощным воздействием, как будто заглядывали в самую душу. Люди, уставшие от страха за свою жизнь, выходили от него готовые держаться дальше.

Кит не поручился бы, что Принц знает его в лицо, но готов

был служить ему до конца дней. Старый Мих нагружал мальчишку несложной работой, в основном связанной с бегом по городу. С утра Кит ходил за едой и водой на пункты раздачи, после обеда помогал Старому Миxu по хозяйству, а вечером ждал спектакля. В обязанности Кита входило также оттаскивать в утилизатор залипших на их улице перед домиком. Он выполнял это без особого сожаления (все рано или поздно залипнут), иногда досадовал, если они мешали ему попасть на шоу.

Вот и сегодня он оттащил двоих и чуть не пропустил начало. Нужно какое-нибудь сооружение на колёсах, типа коляски или каталки, чтобы управляться с залипшими стало проще. Не забыть бы обсудить это со Старым Михом.

А представление между тем было в самом разгаре.

— И Монстр раскрыл зловонную пасть и проглотил Девушку в красном! — загремел голос Принца.

— Ах! — выдохнул зал.

— В это время... — начал Принц.

«Шёл мимо домика Весёлый Дровосек», — продолжил про себя Кит, но на сцене вдруг воцарилось молчание.

Принц стоял с открытым ртом и тяжело дышал. Глаза его растерянно бегали по залу.

— Шёл мимо домика Весёлый Дровосек! — раздалось с двух сторон голоса Старого Мухи и Кита.

— Да, шёл мимо домика Весёлый Дровосек! — подхватил

Принц. — Услышал шум, ворвался в домик и разрубил Серого Монстра! Напополам!

Он рубанул воздух рукой.

Зал охнул!

— И вышли из брюха Серого Монстра Девушка в красном и её бабушка, живые и невредимые.

Обычно Старый Мих остав- лял поднос с едой пред дверью Принца, но в этот вечер решился и понёс яблочное суфле собствен- норучно. Дверь была приоткры- та, и Кит, который незаметно для себя оказался рядом с ней в ко- ридоре, услышал весь разговор от начала до конца.

Принц сидел у гримёрного столика. Лбом он упёрся в руки, длинная чёлка касалась столеш- ницы.

— Ты видел? — глухо спросил он, не оборачиваясь.

— Видел, — Старый Мих по- ставил поднос у зеркала и встал за спиной Принца.

— Я забыл текст на сцене.

— Тебе надо отдохнуть. Сколь- ко дней работаешь без перерыва.

— Много.

— Пора остановиться.

— Если я остановлюсь, то уже не смогу вернуться. Меня и сейчас хватает только на одну историю. На одну. Короткую историю. На жалкие полчаса. Знаешь, что я делаю целыми днями? Учю текст. Я забываю, Мих.

Принц отнял руки от головы. Взгляд его упал на поднос:

— Что это?

— Суфле из яблок. Яблочный день.

— Суфле из яблок. Красиво звучит. Суфле из яблок! Все так боялись голода. М-м-м. Вкусно.

— Доставка работает отлично.

— Да, отлично. Спасибо, что помог сегодня.

Кит отошёл от двери, пропу- ская Старого Муха.

— Принц не остановится? — спросил он немного погодя. Они сидели во внутреннем дворике у костра. Старый Мих смотрел на огонь, а Кит всё поглядывал на занавешенные окна Принца, поч- ти не различимые в темноте.

— Не остановится до послед- них дней, — в голосе Старого Муха звучала гордость пополам с тревогой. — Принц!

Дни покатились дальше, не быстрые и не медленные. Кит хо- дил к доставке и ждал вечерних представлений. На всякий случай был наготове, чтобы подсказать Принцу текст. Принц за это вре- мя запинаясь пару раз, но справ- лялся сам.

В Молочный день ближе к вечеру залип Старый Мих. Кит проветривал зрительный зал и ровнял ряды. Старый Мих подме- тал улицу перед домиком. Через открытые двери доносились шар- кающие звуки и скрип его метлы. Кит закончил расставлять стулья, когда вдруг понял, что наступила тишина. Старый Мих так и за- лип, стоя с метлой в руках. Гла- за его, как у всех залипших, уже

подёргивались голубой плёнкой. Это было неожиданно. Кит знал, что залипнут все, но Старый Мих в последние дни вызывал у него гораздо меньше беспокойства, чем Принц.

Залипших после многочисленных исследований принято было считать мёртвыми. Хотя на мёртвых они походили мало. Тело залипшего на ощупь превращалось как будто в плотную резину. Оно не разлагалось, но и ожидать, что залипший выйдет из этого состояния, не было никаких оснований. Перед закрытием в городе поставили утилизаторы, куда можно было скидывать тела. Впрочем, никто уже особо не следил, все ли залипшие утилизированы.

Кит провозился со Старым Михом дольше, чем рассчитывал. Тело было большое, дородное, его сапоги с набойками чиркали по асфальту и цеплялись за бордюры. Когда Старый Мих вместе с метлой провалился, наконец, в люк утилизатора, Кит присел рядом и несколько минут переводил дух.

Сегодня Принц показывал «Девушку и Монстра в башне». Зал был набит битком: все четыре ряда и два дополнительные табуретки заняты. И Кит, поскольку всё-таки опоздал к началу, прокрался на своё привычное место и встал за шторкой сбоку от сцены.

— Отец девушки обернулся и увидел перед собой... Монстра! — произнёс Принц. Зрители вскрикнули как один человек.

Принц обвёл зал задумчивым взглядом.

— Я отпущу тебя... — зашептал ему Кит следующую фразу.

Актёр молчал. Молчал и зал, не смея пошевелиться.

— Я отпущу тебя... — сказал Кит громче.

Никакой реакции не последовало.

— Я отпущу тебя! — закричал Кит, выглядывая из-за шторы.

— Эй, парень! — раздался из зала молодой здоровый голос. — Если ты знаешь, в чём там дело, расскажи всем.

— Давай-давай, народ ждёт, — поддержали остальные.

Кит вышел на сцену, неловко поглядывая на замершего Принца.

— Я отпущу тебя, сказал ему Монстр, если ты пришлешь ко мне вместо себя первого, кто встретит тебя дома. Хорошо, сказал отец девушки, пусть так и будет.

Кит рассказал историю «Девушка и Монстр в башне» до конца. Всё это время Принц стоял на сцене, и Кит ужасно переживал, что он залип. Но когда зрители стали расходиться, Принц развернулся и медленно ушёл в свою комнату. Кит выдохнул.

Ближе к ночи он принёс Принцу стакан молока и кукурузные хлебцы. Тот сидел в кресле с закрытыми глазами, как будто спал. Кит тихо опустил поднос на гримёрный столик.

— Как тебя зовут? — раздался голос Принца.

— Кит.

— Кит? Это что-то связанное с океаном?

Кит пожал плечами.

— Кит. А где Мих?

— Залип. Сегодня днём, — Киту показалось важным добавить подробностей. — Я отнёс его в утилизатор.

Принц кивнул, но спросил не про Муха:

— Ты помнишь историю наизусть?

— Какую? «Девушку и Монстра в башне»? Помню.

— А другие слышал?

— Да. Все. Весь цикл.

— Какая история должна быть завтра?

— Завтра Рыбный день — значит, «Нора Белого Кролика».

— Как она начинается?

— «Алисе наскучило сидеть без дела...»

— Да, верно, ты помнишь. — Принц надолго замолчал. Кит уже было собрался улизнуть, но тут услышал невероятное:

— Завтра ты пойдёшь на сцену вместо меня.

— Нет! Смеёшься, что ли? Люди придут смотреть на Принца, а выйду я? Да кто меня будет слушать?

— Сегодня тебя слушали. А завтра многие из них уже не вспомнят, как я выгляжу на самом деле. В сущности, все мы не то, чем кажемся. И я, и ты. А возможно, и сама болезнь.

— Я не смогу. Я не актёр.

— И я не актёр. Ненастоящий актёр. Я всегда любил театр. Тогда, ещё до болезни, я так его любил, — Принц оживился, голос его стал глубоким и вязким, как шоколадная паста. — Я бредил театром. Я мечтал о сцене. Режиссёр сказал «нет», но я продолжал любить театр. Я хотел служить только ему. И устроился рабочим сцены. Знал наизусть все спектакли, мог подсказать любую реплику. Я, — Принц усмехнулся, — я благословил болезнь, потому что меня попросили заменять залипших актёров. Меня! Да никто и не верил, что это надолго. А потом я остался один. А-а-а! Слышишь? Так звучит эхо в пустом зале. Я хотел бы залипнуть там, на сцене, читая монолог... монолог...

Принц нахмурился и затих. Кит старался не шевелиться и дышать бесшумно. Эту историю он слышал в первый раз.

— Я ушёл из мёртвого здания, и моя любовь ушла вместе со мной, — снова заговорил Принц. — А потом, когда все устали бояться и на улицы вернулась жизнь, я сделал то, на что раньше никогда не решился бы. Да, я сделал свой театр. Как странно и страшно! Болезнь появилась, чтобы отнять жизнь, но подарила мне счастье. Я научился смотреть в глаза зрителям, каждому человеку, что приходит сюда. Я научился быть им необходимым. Знал бы мой режиссёр, каких немислимых

трагедийных высот я достиг. Вот только память, проклятая память!

Он неожиданно вскочил с кресла и навис над Китом:

— Я отдам тебе всё, что у меня есть.

Принц кинулся в угол комнаты к тумбочке, торопливо раскрыл её и вытащил ворох тонких цветных книжечек.

— Смотри, смотри, вот здесь все мои истории, — торопливо зашептал он, протягивая их мальчику. — Они помогут тебе помнить.

Это были потрёпанные комиксы по сказкам «Белоснежка и семь гномов», «Красавица и Чудовище», «Красная Шапочка», а также «Библия для малышей в

картинках», сокращённый вариант «Алисы в Стране Чудес» без четырёх последних страниц, сказка «Колобок» и краткий пересказ «Превращения» Кафки, написанный от руки.

Кит когда-то умел читать, но на свою память надеялся больше.

— Пусть пока у тебя будут, — сказал он.

Принц с облегчением прижал книжки к себе.

Они помолчали.

— Завтра ты пойдёшь на сцену вместо меня, — снова сказал Принц. — И мы будем держаться дальше. До последних дней!

— До последних дней! — повторил за ним Кит.